

РОССИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫRUSSIA DURING THE FIRST
WORLD WAR

В статье освещаются актуальные вопросы истории России в системе международных отношений. Некоторые – и в ходе Первой мировой войны. Последствия мировой войны для России являлись очень тяжелыми: крах государственности, гражданская война, разруха, голод. Ретроспективный взгляд на рассмотрение причин мировой войны, ее итоги, а также оценка политики царского правительства в этот период являются весьма обоснованными.

Ключевые слова: причины Первой мировой войны, ее последствия; политика царского правительства, Англии и Франции в этот период; Октябрьская революция 1917 года в России.

The article deals with the current issues of Russian history in the system of international relations on the eve and during the First World War. The consequences of the war were extremely serious for Russia, i.e. statehood collapse, civil war, devastation, hunger. A retrospective look at the analysis of the First World War causes, the evaluation of its results and of the policy of the tsarist government in this period are highly reasonable.

Keywords: the First World War causes and its consequences; the policy of the tsarist government; October revolution of 1917 in Russia.

Обращение к периоду Первой мировой войны в силу огромного влияния этого международного конфликта на внутривнутриполитические процессы в странах – основных участниках войны и, прежде всего, в России представляется весьма обоснованным. Мировая война сопровождалась колоссальными жертвами: потери вооружённых сил всех держав – участниц мировой войны составили около 10 миллионов человек. До сих пор нет обобщённых данных по потерям мирного населения от воздействия боевых средств. Голод и эпидемии, причинённые войной, стали причиной гибели, как минимум, 20 миллионов человек. Война сопровождалась материальными разрушениями, вылилась в революционный взрыв в ряде европейских стран, повлекла за собой крушение четырех империй – Российской, Германской, Османской и Австрийской.

Тяжелейшие последствия мировой войны стали одним из побудительных мотивов, заставляющих историков обращаться к рассмотрению

причин такого масштабного конфликта, к оценке политики государств накануне и в ходе войны, к анализу целей держав и средств их достижения. Следствием мировой войны для нашей страны стал крах государственности, гражданская война, временная утрата позиций в мире. И современники событий войны, и исследователи задавались вопросами о возможности для России остаться вне конфликта, о целесообразности союза с Англией и Францией, о глубине противоречий с Германией. За этими вопросами стоит проблема оценки положения России в системе международных отношений и факторов, влияющих на ее международные позиции в ходе войны.

Размежевание великих держав на два противостоящих друг другу блока – Тройственный союз и Антанту – было одной из основных характеристик международных отношений. Каждая страна из этих блоков стремилась сохранить свободу маневра, что было свойственно и России. Несмотря на союз с Францией, а затем и с Англией, правительство России стремилось не обострять отношений с Германией. Однако рас-

¹ Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии АНО ВО «Российский новый университет».

смастривающийся некоторыми современниками вариант переориентации внешнеполитического курса на сближение с Германией вряд ли мог быть реализован в силу особенностей германской политики, в которой господствовали идеи национализма и экспансии.

Германское военное планирование после 1871 года основывалось на представлении о будущей европейской войне как о войне на два фронта – против Франции и России одновременно. До 1890 года, когда канцлером Германской империи был Отто фон Бисмарк, подобный сценарий был неприемлемым. Для этого Берлин поддерживал, наряду с Тройственным союзом, союз трех императоров, объединявших Германию, Россию и Австро-Венгрию. После отставки «железного канцлера» его преемники считали войну на два фронта неизбежностью и поэтому взяли курс на консолидацию Тройственного союза. Подтверждением этого стал отказ Германии в 1890 году продлить связывавший ее с Россией «договор перестраховки».

«Новый курс» в германской внешней политике подтолкнул Россию к заключению союза с Францией в 1893 году. «Сердечное согласие» Франции и Англии в 1904 году создало основы для их военно-политического сотрудничества. Германская экспансия [1], ослабление России в результате войны с Японией и Первой русской революции побудили царское правительство к сближению с Лондоном, которое привело к созданию в 1907 году Антанты.

В преддверии Первой мировой войны нарастающее германское влияние в Османской империи, явная поддержка балканской политики Австро-Венгрии, увеличивающая мощь Германии, которая могла привести к доминированию в Европе, воспринимались как потенциальная угроза великодержавным позициям России.

В этих условиях оставаться вне военного конфликта с участием великих держав России было очень сложно. Кроме того, свобода от союзов могла привести к изоляции, заключению соглашения с другими государствами за счет России. В сложившийся период июльского кризиса 1914 г. ситуации правящие круги России, как и других ведущих европейских стран, предпочли риск большой войны дипломатическому поражению. Это, по мнению руководителей этих держав, грозило бы значительным усилением противостоящего блока, подрывом интересов собственной страны и их ценности как союзника. Для руководства Российской империи не отреагировать на объявление Австро-Венгрией войны Сербии в июле 1914 г., особенно после

ряда серьезных внешнеполитических неудач (в Русско-японской войне, в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг.), означало поставить под угрозу свои позиции на Балканах, в Европе, на Ближнем Востоке, а также авторитет царского правительства внутри страны.

В сравнении с последствиями войны решения июля – августа 1914 г. выглядят неоправданными. Однако, принимая их, царское правительство руководствовалось в первую очередь стремлением избежать потерь в настоящем в условиях, когда будущее представлялось неопределенным. Существовавшие прогнозы последствий общеевропейского военного конфликта отличались противоречивостью: предсказания катастрофы давались наравне с оптимистическими оценками перспектив участия в войне.

Саму войну правящие круги великих держав обосновывали требованиями обеспечения безопасности. Однако в каждом из государств, хотя и в разной степени, за оборонительной риторикой стояло стремление не только сохранить, но и укрепить собственные позиции на международной арене. В воюющих коалициях вынашивали планы усиления собственного влияния за счет ослабления противника. В то же время ведение коалиционной войны не означало единства взглядов союзников на проблемы послевоенного урегулирования. Державы Антанты объединяло стремление нанести поражение Германии и не допустить ее доминирования в Европе, однако в остальном их интересы далеко не всегда совпадали.

Особенно заметными являлись расхождения между Великобританией и Россией. В ходе войны в англо-русских отношениях, обремененных историей длительного острого соперничества, достаточно высока была степень напряженности и недоверия. Это проявлялось в первую очередь на уровне общественного мнения. По свидетельству одного из современников событий, характеризовавшего восприятие британским обществом России в период Первой мировой войны, «антагонизм исчез, но остался страх не сегодняшней России, а России будущего. Англичане часто задавали вопрос: “Говорят, что после этой войны неизбежна война с Россией. Вы в это верите?”» Одним из аргументов противников вступления Англии в войну в августе 1914 г. являлся тезис о том, что оно могло послужить лишь помощи России в деле расширения ее империи в Европе и Азии [4, с. 558]. Подобных взглядов придерживался известный либеральный публицист Н. Энджел, пугавший общественность тем, что, преуспев «в обеспечении победы России», Ве-

ликобритания существенным образом нарушит равновесие, сделав Россию «доминирующей военной державой в Европе» [4, с. 562].

Опасения были взаимными. Так, например, согласно одному из донесений, поступивших в Департамент полиции осенью 1916 г., «мысль о том, что Англия одновременно ослабляет и уничтожает не только своего врага – Германию, но и своих противников – Россию и Францию, пускает все более и более глубокие корни в обществе» [5, с. 53]. Тема отчуждения от ее союзников звучит в дневниковой записи Ф. Степуна, артиллерийского офицера русской армии в годы Первой мировой войны: «Я с самого начала войны не перестаю бояться того, что к концу ее все народы Европы – и наши союзники, и наши враги – чем-то своим “европейским” перекликнутся между собою и тем самым в каком-то сейчас еще невиданном смысле, встанут все против несчастной России» [3, с. 129].

Подобные настроения не являлись определяющими для отношений союзников на протяжении войны. В качестве их доминанты выступала общая цель победы над Германией. На ее достижение были направлены пропаганда союза, сотрудничество, хотя и не лишённое противоречий, в вопросах снабжения, предоставления кредитов, попытки совместного планирования военных операций и вылившееся в ряд тайных договоров о согласовании военных целей. Так, в марте – апреле 1915 г. было заключено соглашение о судьбе Константинополя и проливов, в феврале – марте 1917 г. царское правительство признало территориальные претензии Франции к Германии, а в обмен на это Франция согласилась с правом России по своему усмотрению установить границы с Германией и Австро-Венгрией после окончания войны [5, с. 53].

Вместе с тем, в борьбе за собственные интересы, которая велась не только между коалициями, но и в рамках Антанты и союза Центральных держав, позиции России постепенно ослабевали на протяжении войны. Этот процесс стал заметным уже во второй половине 1915 г. и был связан как с неудачами в ведении военных действий – отступлением русской армии, так и с ростом финансовой и экономической зависимости России от Англии и Франции.

Факт ослабления России повлиял на разработку британских планов мирного урегулирования в Восточной и Юго-Восточной Европе. Так, в августе 1916 г. в меморандуме, подготовленном сотрудниками Форин офис Р. Пейджетом и У. Тиррелом, намечались перспективы создания буфера из Польши и балканских государств как

против Германии, так и против России [4, с. 573]. Вместе с тем, подобная задача не являлась первоочередной для британской политики. Аналитики внешнеполитического ведомства считали, что урегулирование на востоке Европы будет зависеть от силы русских армий и от способности России вести успешные военные операции для достижения собственных политических целей, что, однако, оценивалось как весьма сомнительная перспектива. В целом, регион воспринимался в качестве имевшего второстепенное значение (особенно по сравнению с Западной Европой) для Англии, и лишь слабость России и поражение Германии могли позволить Великобритании играть в нем ведущую роль.

Развитие событий на Восточном фронте в значительной степени влияло на формирование Германией территориальных требований к России, возраставших по мере успехов германского наступления. Отражением германских притязаний, а также свидетельством иллюзорности веры в монархическую солидарность стало заявление германского канцлера Т. фон Бетман-Гольвега 5 апреля 1916 г. о том, что «Германия никогда добровольно не передаст вновь под власть реакционной России освобожденные ею и ее союзниками народы, расположенные между Балтийским морем и волынскими болотами, будь то поляки, литовцы, балты или латыши [6, с. 53].

Февральская революция 1917 г. привела к еще большему ослаблению международных позиций России. Казалось бы, революция открывала дорогу более тесному сближению с союзниками – либеральными Англией и Францией – на идейной основе. Для многих в Лондоне и Париже события марта 1917 г. сняли распространенные опасения заключения сепаратного мира между Россией и Германией. Именно в пришедших к власти либералах видели союзники в России единственную силу против Антанты.

Но в то же время Февральская революция объективно являлась свидетельством слабости России. Эту реальность достаточно быстро осознали как ее союзники, так и противники. В апреле 1917 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин писал, что «Россия надолго (а может быть, и навсегда) утерит свое значение» [6, с. 170]. Публицист, автор многочисленных статей в наиболее влиятельных журналах Э. Диллон летом 1917 г. предсказывал, что Россия станет «политическим островом» и «не сможет оказывать влияние на европейские дела» [5, с. 53].

В слабости России державы Четверного союза, и прежде всего Германия, увидели возмож-

ность коренным образом переломить ситуацию в свою пользу. В то же время для Великобритании и Франции шаткость позиции Временного правительства и разложение русской армии снижало ценность России как союзника. Париж и Лондон предприняли определенные усилия, направленные на то, чтобы как можно дольше удержать Россию в войне, но в то же время задумывались о возможности заключения мира за ее счет. В апреле 1917 г. британский общественный деятель и политик Л. Эмери высказал предположение о том, что урегулирование будет, скорее всего, достигнуто за счет «отдаленных, окраинных и наименее эффективно организованных элементов каждой группы воюющих, т.е. Германской колониальной империи, Турции и России» [5, с. 53].

Тяготы войны в сочетании с восприятием вероятности выхода из нее России побудили британское и французское правительства к обсуждению вопроса о возможности предоставления Германии карт-бланша на востоке Европы в обмен на реализацию собственных требований на Западе [4, с. 575]. Боязнь германской мощи была слишком велика, чтобы подобные предложения получили одобрение. Однако ясным становилось, что Россия не могла рассчитывать на союзников в поддержке своего великодержавного статуса. Сил на активное ведение военных действий на Восточном фронте у Великобритании и Франции не было, а хаос на территории бывшей Российской империи позволял надеяться на то, что Германия не сможет в полной мере воспользоваться ресурсами ослабленной России.

Суть этого отношения к России, намечавшегося по мере развития русской революции, была сформулирована британским премьер-министром Д. Ллойд Джорджем уже после событий ноября 1917 г. и начала переговоров Советской России с Германией в Брест-Литовске. В речи о военных целях, высказанных 5 января 1918 г., предвещая России колоссальные потери в случае следования курсу на мир с Германией, глава британского правительства заявлял: «Но когда теперешние правители России предпринимают те или иные действия независимо от союзников, мы не намерены вмешиваться, чтобы остановить катастрофу, которая неизбежно погубит их страну...» [7, с. 59].

Октябрьская революция привнесла в международные отношения конфликт на идеологической основе. Различия политических систем великих держав, как и идеологические различия, не являлись чем-то беспрецедентным в истории отношений между государствами. Однако восприятие конфликта идеологий в конце 10-х – на-

чале 20-х гг. XX в. отличалось особой остротой. Показательно, что авторитетный британский еженедельник “Annual Register” в 1919 г. охарактеризовал русскую революцию как, «возможно, самое важное событие в Европе со времен Реформации» [8, с. 83]. Интенсивность конфликту придавал тот факт, что перспектива распространения революции не казалась на Западе далекой и абсурдной. Образ войны как вулкана, способного уничтожить политические, социальные, экономические элементы не только «старого порядка» в России, но и буржуазного порядка в западных странах, присутствовал на страницах печати Англии и Франции.

Идеологический конфликт, а также ослабление России в результате внешней и внутренней войн налагал отпечаток на ее отношения с европейскими странами в годы Первой мировой войны. Выстраиваемая победителями система международных отношений исключала Россию. В то же время, когда перед Европой и миром возникла новая угроза мирового конфликта, идеологические различия, как бы сильны они ни были, отступили перед государственными интересами. Благодаря героизму и стойкости советского народа во Второй мировой войне мир был спасен от фашистского порабощения.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 138. Секретный архив министра. Д. 201. Л. 33–33 об.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 1915. Д. 167. Ч. 16.
3. Степун Ф. (Лунгин Н.) Из писем прапорщика-артиллериста. – Томск, 2000.
4. Очерки истории Министерства иностранных дел России. – Т. 1. – М., 2002. – С. 556–578.
5. Шацилло В.В. Российская империя в планах военно-политической элиты Германии (август 1914–1915 гг.) // Первая мировая война. Версальская система и современность : сборник статей. – СПб., 2012.
6. Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. – СПб., 2005.
7. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары / пер. с англ. – Т. 1–6. – М., 1934–1938. – Т. 5.
8. Проблема будущего переустройства Австро-Венгрии: британский взгляд в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Версальская система и современность : сб. статей. – СПб., 2012.